

A portrait of a middle-aged man with a grey beard and hair, wearing a dark blue suit jacket over a white shirt. He is looking directly at the camera with a serious expression. The background is a warm, textured yellowish-brown.

**театральные
байки
из первых рук**

ЮРИЙ ГЕРАСИМОВ

Юрий Валентинович Герасимов

Театральные байки

из первых рук

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70340050

SelfPub; 2024

Аннотация

Театральная практика полна курьёзами и всякого рода забавными ситуациями. Большинство из них время безвозвратно стирает из памяти. Но бывают истории, которые периодически всплывают в нашем сознании, обрастая подробностями, заставляя иначе оценить когда-то произошедшие события. И порой уже невозможно отделить правду факта от её художественного восприятия. Я назвал эти истории байками, чтобы читатель не бросал в меня камнями за некоторые не преднамеренные неточности.

Содержание

Двадцать копеек	5
Пулемёт	7
Монумент	9
Награда нашла героя	13
Достал	16
Обручальное кольцо	20
Космический след	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юрий Герасимов
Театральные байки
из первых рук

Двадцать копеек

Новый год в театре всегда форс мажор! Для артистов появляется возможность “подхалтурить” (профессиональный жаргон, обозначающий заработок на стороне) в качестве Дед-Мороза, Снегурочки, других сказочных персонажей. А в театре тем временем ежедневно играют три спектакля. Два утренника для детей и вечерний спектакль для взрослых.

Такие обстоятельства противоречат друг другу и создают конфликт интересов. Артистам нужно время на “халтуру”, а театр должен прокатывать репертуар. У него тоже задача заработать в праздник, чтобы кормить тех же артистов.

Искусство “халтурщиков” заключается в умении так составить “халтурный” график, чтобы играть ёлки до спектакля, между спектаклями, после спектакля, в котором заняты. Некоторые мастера ухитрялись провести ёлку и во время спектакля! Как это делается вопрос отдельный. Кому интересно, обращайтесь. Научу.

По завершении каникул в театре устраивается внутренний праздник. Ёлка для детей сотрудников и банкет для взрослых. Вот тут возникает загвоздка. Никто из “халтурщиков” не изъявляет желания выступить в роли Дед-Мороза. Все вымотались до предела. Силы остались только на банкет.

Так длилось годами. Наконец, начальство прорвало. Всех

мужчин – “халтурщиков” пригласил в свой кабинет Главный режиссёр и выступил с пламенной речью:

–Как вам не стыдно! Театр идет вам на встречу, делает двойной состав, организует замены, чтобы сбалансировать вашу загрузку, а вы?! Для своих же детей не хотите поработать! Жлобы! Больше никаких послаблений от меня не ждите!

Хлопнув дверью, он выскочил из кабинета. Надо сказать, нас этот монолог потряс. Таким мы нашего шефа еще не видели. Как-то надо поправлять ситуацию, решили мы.

Утром следующего дня в фойе театра у ёлки детей забавляли Снегурочка, Лисичка, Белочка. Родители тоже подключились. Была музыка, танцы. В общем, всё как обычно. Но вот слышались детские вопросы: “А где Дедушка-Мороз?”

Исполнительница роли Снегурочки стала им сочинять историю про то, что Дедушка заблудился и не может сегодня прийти. Вот прислал телеграмму и т. д. и т. д. Кто-то из малышей заплакал. Те, что постарше, стали звать Дед-Мороза.

И тут зазвучал туш, распахнулись двери, а из них торжественной поступью шагнули полтора десятка Дед-Морозов! Это был шок! Дети, открыв рты, переводили взгляды с одного Дед-Мороза на другого. Взрослые покатались со смеху. Громче всех хохотал Главный режиссёр. Вытирая слёзы, он шутейно дал мне под дых и протянул двадцать копеек. Это был высший знак признания в нашем театре.

Пулемёт

Наш Главный режиссёр был человеком кавказских кровей и испытывал неравнодушие к оружию. Когда ему на глаза попадались арбалеты, шпаги, дуэльные пистолеты и прочий реквизит, долго не выпускал их из рук, рассматривал, играл, воображая себя участником героических поединков.

Репетировался спектакль по пьесе Вампилова “Прощание в июне”. Там есть сцена, когда двое персонажей ссорятся и один угрожает другому ружьём. Перед репетицией был приготовлен необходимый реквизит.

Войдя в репетиционную, Главный заметил стоящее у стены ружьё. Ружьё было совсем как настоящее, изготовленное нашим бутафором, большим мастером своего дела. Разумеется, оно тут же оказалось в руках шефа. Шеф осмотрел сей предмет, пощёлкал курком, прикинул на вес. Было очевидно, что ружьё ему пришлось по душе. Пока шла репетиция Главный не выпускал ружьё из рук. Так и ходил, держа в одной руке ружьё, в другой текст пьесы.

Я был занят в сцене с ружьём и покуда репетировались другие эпизоды, смотался в бутафорский цех, притащил оттуда муляж пулемёта “Максим” и до поры до времени оставил его за дверью репетиционной. Дошла очередь до нашей сцены. Тут я выкатил “Максим” на середину комнаты и обратился к шефу:

—Извините, (условно) Иван Иванович! Ружьишко не одол-

жите? Нам без него никак. А вам в помощь, вот! И показал на пулемёт.

Только сейчас шеф заметил, что долгие часы репетиции ружьё было при нём Расхохотавшись, он торжественно вручил мне двадцать копеек. Ценил юмор человек!

А я с тех пор стал дарить ему на премьеры оружие из “Детского мира”— кинжалы, сабельки, пистолетики и получал в ответ очередные двадцать копеек.

Монумент

Ставлю спектакль по повести Бориса Васильева “В списках не значился”. Действие там происходит в начале Отечественной войны в Брестской крепости. В повести много описаний массовых рукопашных схваток. Встал вопрос, как это показать на сцене художественными средствами.

С художником-постановщиком решили так. На первом плане дерутся главные персонажи, на втором и на третьем на просвет за занавесом работает массовка, изображающая наших и фашистов. Тени второго и третьего плана накладываются друг на друга. Создаётся эффект массовости. Причём, художник построил для массовки двухэтажные помосты с трапами, по которым перемещались участники сцены.

Постановщик боёв чётко разработал схему передвижения массовки по лестницам. Пол сцены или по театральному – планшет, застелили матами с тем, чтобы падающий в результате поединка не повредился и вновь, забежав на трапы, мог вступить в сцены боя.

Все участники массовых сцен были одеты в настоящую красноармейскую и немецкую форму тех лет. Она досталась театру в наследство от киностудии, что располагалась в этом здании в годы войны. Оружие, конечно без боевой части, тоже было подлинное. Но хитом стал выдаваемый из военкомата под расписку на каждый спектакль настоящий ручной

пулемёт. Подобная атрибутика, конечно, добавляла убедительности происходящему на сцене.

Служил на то время в театре артист Володя А. Парень был видный. Породистой фактуры, зычным голосом, мужественной физиономией. Свои достоинства он знал и любил предъявлять их публике при всяком удобном случае. Каждый выход на сцену он начинал с того, что, выйдя на середину на несколько мгновений замирал в позе былинного героя. Прозвище в театре у него было “Монумент”.

Когда пулемёт доставили в театр, он достался “Монументу”. Тот сразу придумал себе мизансцену на переднем плане с чисткой, клацаньем затвора, прицеливанием в воображаемого врага и проч. и проч. Юных зрителей вид настоящего пулемёта, да ещё в руках такого статного бойца приводил в восторг. Чего не скажешь обо мне, режиссёре.

“Монумент” приковывал внимание публики к себе, что называется “снимал сцену”. Зритель отвлекался от основного действия. Мои попытки задвинуть “Монумент” на второй план периодически проваливались. Чуть недосмотрю, “Монумент” перед публикой разыгрывает этюд с пулемётом.

На одном спектакле заболел артист массовки, исполнявший роль немецкого солдата. Заменить его предстояло мне. Дело обычное. Режиссёру часто приходится заменять заболевшего артиста. Он знает спектакль, мизансцены, да и текст роли у него на слуху. Так что мне и карты в руки.

Сложность была в том, что партитура боёв не позволяла

никаких отсебятин. Один эпизод быстро переходил в другой. Артисты бегали туда-сюда по трапам, падали с них “убитыми”. Уползали в темноте за кулисы и изменив какую-либо деталь в костюме или поменяв тип оружия, снова “вступали в бой”, карабкаясь на трапы. Любое отступление от рисунка роли могло привести к неразберихе в работе массовки.

Времени на мой ввод не было. Положились на то, что действия массовки, хоть и со стороны я видел многократно. Да и партнёры обещали помочь, если что.

Я облачился я в немецкий китель. Надел каску, взял в руки “шмайсер” и изготовился на выход. Прозвучала команда “Пошел!”. Выбегаю на сцену, вбегаю на трап, вступаю в рукопашную с бегущим на меня “красноармейцем”, мы боремся, катаемся по настилу, я его раню, он с криком боли падает вниз. Надо бежать дальше. Куда? Стою, соображаю. Вдруг слышу страшный рык

–С дороги!!!

Оглядываюсь. На меня со зверской гримасой на лице летит “Монумент” с поднятым над головой пулемётом.

Очнулся я за кулисами с перевязанной головой. Спасла меня немецкая каска. У неё внутри есть амортизаторы, такие переплетения, чтоб голова не касалась металла.

После спектакля подходит ко мне этот гад, интересуется:

– Больно?

–Ты, за что меня так отоварил? – спрашиваю в свою очередь.

—Так тебя там не должно было быть.

—Я запутался, объясняю. Забыл куда бежать. Ты что, не мог меня просто оттолкнуть, чтобы не зараживал тебе дорогу?

—Понимаешь, я вдруг почувствовал, что я взаправду в бою. Передо мной фашист, он на моих глазах только что завалил нашего. Ещё и мне ходу не даёт. Такое меня зло взяло. Короче, вжился в роль.

—Вжился он! Чуть не убил! А если б ты Отелло играл, что, каждый спектакль по Дездемоне душил?

Прошло с тех пор немало лет. “Монумент” служил в разных театрах. Играл много хороших ролей. Однако, насколько мне известно, Отелло он всё-таки не сыграл.

Награда нашла героя

В театре шёл спектакль по произведению А. Гайдара “РВС”. Действие там происходит во время Гражданской войны на Украине. Двое мальчишек прячут от махновцев раненого красного комиссара. В финале спектакля село освобождают красноармейцы, спасают своего командира и благодарят за помощь отважных ребят.

Сцена с красноармейцами была решена так. Массовка, двадцать артистов, делилась на пятёрки. Пятёрки заряжались в фойе перед дверьми в зрительный зал. Дверей было четыре. В нужный момент двери распахивались и в зал из каждой двери с криком “Ура” выбегали красноармейцы. Находящиеся на сцене махновцы в страхе разбегались. Эпизод восторженно принимался детской публикой

Чтобы не опоздать на выход у каждой пятёрки был старший. Он стоял, немного приоткрыв дверь, наблюдая за происходящим на сцене. В нужный момент он подавал команду “пошёл”, распахивал дверь, и вся пятёрка устремлялась в зал.

Я входил в одну из пятёрок. Надо вам признаться, я всегда очень боялся опоздать на свой выход. Вот и тут постоянно мешал старшему. Заглядывал в приоткрытую дверь, допрашивал его вопросами: “не пора? не опоздаем?” и т. д. Ему это видимо очень досаждало. В конце концов он меня про-

сто оттолкнул от двери.

— Не дёргайся! Отвали!

Я обиженно отошёл в сторону. Вдруг, слышу: “Пошёл!” Двери распахиваются. Я с криком “Ура-а-а!” выбегаю на середину зрительного зала и замечаю, что нахожусь в гордом одиночестве! Боевые товарищи мою атаку не поддержали! На сцене в немой позе застыли махновцы. У них до этого шла большая гулянка. До финала спектакля оставалось ещё полтора десятка минут. Мой героический рейд ввёл их в ступор. Однако оцепенение длилось не долго.

-Вражеский лазутчик! -закричал главарь банды. -Кончать гада!

И махновцы стали палить в меня из своих винтовок, благо за кулисами их поддерживали громкие выстрелы стартовых пистолетов. Грохот стоял невероятный! Чем я мог ответить? В руках у меня деревянная палка, у которой даже затвор из дерева. Вспомнил своё послевоенное детство. Тогда мы стругали из дерева винтовки, прилаживали к ним оконные шпингалеты в виде затвора. Выстрелы обозначались звукоподражанием: “кых – кых – кых”.

Вот и стал я отступать перебежками, стреляя голосом: “кых! кых!” Имитируя перезарядку патронов моим деревянным затвором. Самое интересное, что дети восприняли мою стрельбу с полной верой в достоверность. Не уронив воинской чести, отступаю за дверь к своим. Они трясутся от смеха. Я к старшему пятёрки:

–Ты что? Почему рано дал команду?

А тот мотает головой, не я, дескать и показывает пальцем на моего компаньона по приколам и розыгрышам.

–Что сказать, вступает разговор мой дружок. Вел ты себя геройски. Не посрамил. Достоин награждению Революционными Красными Штанами! Жди приказ по армии!

Как в воду глядел. Закончился спектакль, иду в гримёрку, вижу на стене тёпленький приказ. Выговор “За нарушение целостности спектакля”.

Достал

Даём Шиллера “Коварство и любовь. Финальная сцена. Главный злодей осознаёт свои прегрешения и отдаёт себя в руки пришедшим его арестовать солдатам. Злодея играет ведущий артист театра. Я, только поступивший в театр, начинающий артист, одного из солдат.

Премьер читает пафосный покаянный и невероятно длинный монолог на публику, а в конце монолога обращается к стоящим позади него солдатам. Протягивая к ним руки прямо-таки умоляет себя арестовать. Это присказка. Сказка впереди.

Как многие большие мастера, Премьер любил подтрунивать над молодёжью. А уж этот мог буквально терроризировать своими приколами. И вот добрался он до меня. Оказавшись тылом к залу, лицом к солдатам, он между фразами начинал корчить рожи, показывать нам фиги. Мои партнёры как-то держались, стоя с каменными лицами. Меня же разбирал смех. А сцена-то драматическая. Финал трагедии. Конец спектакля! Заплаканная публика должна испытать потрясение и просветлиться, говоря проще, получить катарсис.

А у меня одна забота -не помешать народу эмоционально взбодриться. Главное, думаю, не смотреть на эти рожи премьера, как-нибудь отвлечься. Кручу башкой по сторонам, разглядываю закулисы. Кое-как додержался до закрытия за-

навеса.

После спектакля подходит ко мне режиссёр с укоризной, что мол вертись, снимаешь сцену. Извиняюсь, обещаю исправиться.

На следующем спектакле история повторяется. Теперь этот тип, учуяв мою слабость, переключился целиком на меня. Опять рожи, ужимки. Я стал отводить взгляд, так он рукой поворачивает мою голову, да ещё городит всякую хрень. Держусь из последних сил, чтобы не расколоться. А этот садист стал меня щипать. Всё! Я прыснул от смеха и ретировался в ближайшую кулису. Я смеялся и плакал от обиды на свою слабость.

С полным негодования лицом подошел режиссёр и категорически потребовал прекратить хулиганство на сцене. Предупредил о суровом наказании.

Я решил поговорить с моим обидчиком. Просил пощадить мою нервную систему, на что получил совет систему тренировать, так-как на ней, да ещё на системе Станиславского зиждется всё искусство театра.

Настал день очередного спектакля. Разгулялись нервы. Дрожали ноги, отчего-то задёргалась одна щека. Было сухо во рту. Иду в театр. В коридоре сталкиваюсь с моим мучителем.

– Как нервишки? – сочувственно так интересуется. И еще улыбается, паразит!

Спектакль начался при аншлаге. Сажу в гримёрку, слу-

шаю трансляцию. Слышу, как вдохновенно играет премьер. Зал то погружается в тишину, внемля его страстным монологам, то взрывается аплодисментами после их завершения. Всё-таки он большой Мастер! Скоро своё мастерство он будет оттачивать на мне. Прохожу за кулисы, стою, жду. Близится наша сцена. Сердце начинает учащенно биться.

—Сегодня смотрит всё руководство, предупреждает артистов ведущий спектакль помощник режиссёра.

Наш выход. У меня дрожит всё внутри. Начинается легкий нервный смешок. Пытаюсь сдерживаться. Вот злодей направляется ко мне. Его лицо, до этого искажённое страданием, мгновенно расплывается в ехидно-слащавой улыбочке. Публика продолжает слышать трагический монолог, а перед нами предстаёт физиономия комика. Она закатывает глаза, показывает язык, надувает щеки. Чтобы не рассмеяться стискиваю зубы. От напряжения у меня текут слёзы. А когда этот изверг протягивает руки ко мне словами “Берите меня, вяжите меня” и не заметно для публики начинает меня щекотать, из недр моего измученного организма непроизвольно вылетает стон:

—Иди, ты на...! Кому ты нужен! Достал!!!

Премьер на секунду замер, а в следующую “поплыл”. Стал икать, странно подёргиваться, плечи у него затряслись, и он завалился в сторону от смеха. Попытался вернуться в исходную позицию, но его снова повело в бок. Я тоже отвёл душу. Смеялся уже не сдерживаясь. Нас поддержали другие свиде-

тели этой сцены, артисты и публика.

Спектакль завершился на весёлой ноте. Редкий случай, когда трагедия заканчивается всеобщим весельем.

Обручальное кольцо

Носить обручальное кольцо, работая в детском театре – не комильфо. Как вы себе представляете какого-нибудь Мальчика-с-пальчика с колечком на том самом пальчике? Но я был пижоном и колечком форсил. Ну да, перед спектаклем приходилось кольцо снимать, а потом возвращать на законное место.

В Советские годы, были соответствующие эпохе праздники: “День Октябрьской революции”, “Первое мая”. Повсеместно и широко отмечались “День рождения В. И. Ленина” и “День создания Всесоюзного Ленинского Коммунистического союза молодёжи (ВЛКСМ).”

К очередному празднованию Дня комсомола наш театр подготовил спектакль по роману А. Фадеева “Молодая гвардия”. Для тех, кто не в курсе поясняю, что речь в романе идёт о самоотверженной борьбе юных подпольщиков школьного возраста с фашистами на временно оккупированной территории СССР. Мне была поручена роль Олега Кошевого, руководителя молодёжной подпольной организации. Как в романе, так и в спектакле, центральным был эпизод клятвы молодогвардейцев.

В театр обратилось местное руководство ВЛКСМ с просьбой показать сцену клятвы в сборном концерте, посвящённому славной дате.

Всех занятых в эпизоде артистов доставили во Дворец молодёжи. В определённый момент мы оказались на огромной сцене, освещенной десятками прожекторов. Сыграли эпизод. Под скандирующие аплодисменты направляюсь в гримёрную. Меня встречает наш Главный. Жмёт руку. По-отечески вопрошает:

— Не рановато женился, Олег?

И только тут я заметил, что забыл снять кольцо! Это надо, шестнадцатилетний пацан-подпольщик с обручальным кольцом! Подбежали партнёры по эпизоду. Пошли вопросы:

— Давно?

— А как её зовут?

— А как вы познакомились?

Объятия, поцелуи, пожелания многих деток! Поступило предложение отметить это радостное событие. Что и было исполнено в ближайшей забегаловке.

Космический след

Доводилось мне в своё время несколько раз побывать с гастрольями на Байконуре. Не на космодроме, а в городе, где проживают семьи специалистов, обсуживающих космическую гавань.

В городе, застроенном типовыми пятиэтажками, были свои особенности. Почти все окна были закрыты отражающими солнце серебристыми панелями. Много пустующих квартир, особенно на верхних этажах. Клумбы, где молодые солдатики каждое утро высаживали “анютины глазки”, засыхающих от невероятной жары через пару часов. Мелкая речка, лениво несущая песок небольшим количеством воды. Изредка проезжающие автомобили с надписью ТВ СССР. И солнце, солнце, солнце!

Складывалось впечатление, что город населяют исключительно мамочки с детскими колясками и солдаты, занятые хозяйственными работами. По улицам иногда запросто вышагивали военные с большими звёздами на погонах. В двухэтажном деревянном Доме офицеров, где мы выступали, у входа в биллиардную висело объявление: “Полковники играют вне очереди”. Все штатские горожане, назывались монтажниками.

А самое необычное – тишина! Нигде не звучит музыка. Не слышно громких голосов. Проходящие люди общаются в

полголоса. Атмосфера деловой сосредоточенности. И только вечером в ресторане единственной в городе гостиницы посетители позволяли себе расслабиться в рамках дозволенного патрулем, дежурившего под окнами.

Нас, артистов, в порядки режимного объекта никто не посвятил. После вечернего спектакля, как заведено на гастролях, собралась в одном номере тёплая компания. Человек эдак десять. Пьём какое-то дешёвое сухое пойло. Травим анекдоты, ржём. Горланим песни под гитару. Стоит дым коромыслом!

Стук в дверь. Открываем. На пороге стоят два молодых, подтянутых красавца. За ними лысый толстяк средних лет. Все трое в спортивных тренировочных костюмах.

—Ребята, говорит один, у вас так весело, можно к вам в компанию? У нас спирт есть и протягивает полную литровую банку кристально чистого содержимого. Такое предложение приводит нас в восторг.

—О чём речь? Милости просим!

Быстренько сгоношили нехитрый закусон, разбавили спирт водичкой выпили по первой. Замечаем в гостях какую-то скованность. Усугубили по второй. Результат — ноль. Сидят, помалкивают.

— Мужики, да вы кто?

—Летчики.

—Чего такие задумчивые? А мы знаете кто?

—Не надо, не надо, не рассказывайте, замахали они рука-

ми. Знаем, вы монтажники.

–Какие монтажники? Артисты мы. Здесь на гастролях.

–Артисты? Уф-ф! Облегчённо выдохнули наши гости.

–Наливай!

Что тут началось! Пили, пели, веселились, включили магнитофон. Устроили танцы. Наши дамы соперничали за право потанцевать с молодыми летчиками. Кончилась выпивка, гости сбегали за второй банкой. Началось братание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.